

нелин (Критические исследования об истории болгар, М., 1849, 263 стр.). Под влиянием, очевидно, Ю. Венелина представитель болгарского Возрождения Г. С. Раковский (Неколико речи о Асеню първому, великому царю болгарскому, и сыну му Асеню второму. Белград, 1860, стр. 68 сл.) также готов был признать тождественность обеих личностей. Более того, для доказательства своего предположения Раковский опубликовал одну народную песню — без сомнения подложную, — в которой упоминается о Бояне. Позже некоторые болгарские ученые также восприняли предположение о тождественности Бояна, сына Симеона, и певца из «Слова о полку Игореве» (А. Теодоров-Балан. Сенки, III. Първи стихотворци. — Български преглед, I, 11—12, 1894, стр. 248 и сл.; В. Пундев. Боян магьосникът. София, 1923, 32 стр.). Изучению этого вопроса посвящена моя небольшая статья.²³ Сведения о занятиях магией болгарского князя Бояна, по-моему, нужно связать с тем, что мы знаем о распространении занятий магией среди византийцев, а эти сведения чрезвычайно многочисленны и знаменательны. Что касается отождествления князя Бояна с мифическим русским певцом, его нужно решительно отвергнуть. Тождественность имен ни в коем случае не доказывает тождественность обеих личностей. Против этого отождествления говорят, во-первых, хронологические несоответствия. Болгарский князь Боян жил, как известно, в первой половине X в., в то время как русский певец Боян упоминается в памятнике, относящемся к концу XII в.

С другой стороны, о болгарском князе известно только то, что он занимался магией, а то, что он был поэтом, — лишь очень смелое предположение новых исследователей. Очень трудно допустить, чтобы сведения о болгарском поэте Бояне первой половины X в. могли попасть в древнерусский памятник, тогда как в болгарских исторических документах о нем нет никакого следа. Короче говоря, необходимо считать, что это две совершенно различные личности. Певец в «Слове о полку Игореве» принадлежал всецело к русскому прошлому, как ни соблазнительна мысль приписать его качества болгарскому князю Бояну, о котором мы знаем очень мало.

Б. Ст. Ангелов в последние годы написал несколько статей по вопросам, связанным с изучением «Слова о полку Игореве». В одной своей статье он затронул вопрос о некоторых южнославянских параллелях к отдельным местам «Слова о полку Игореве».²⁴ Так, он приводит параллели из сербского похвального слова князю Лазарю, погибшему 15 VI 1389 в битве на Косово против турок. В одной из редакций этого слова (опубликована И. Руварцем в «Летопис Матице, српске», СХVII, 1875, стр. 112) имеются строки, которые очень сильно напоминают призывы князя Игоря к борьбе против половцев. Другую параллель Б. Ангелов находит в жизнеописании сербского деспота Стефана Лазаревича, составленном Константином Костенческим (Гласник, XLII, 1875, стр. 275), а также в некоторых сербских летописях (например, в так называемой «Студенички летопис»: Л. Стојанович. Стари српски родослови и летописи. Ср. Карловци, 1927, стр. 93; в списке Вукмановича, Ст. Новаковича). По Б. Ангелову, эти параллели не содержат никакого прямого литературного влияния, но говорят об общих книжных формах, получивших распространение среди русских и южных славян, и, с другой

²³ См. Ив. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. — Сб. БАН XLI, 1, 1945, стр. 8—19; II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието.

²⁴ Б. Ст. Ангелов. Старославянски текстове. — ИИБЛ, III, 1955 стр. 178—182.